

Сбросив рюкзак и сложив зонт, она огляделась. Этот старый двухэтажный особняк, как говорили, остался от клана Чэнь. Он долго пустовал, и лишь когда Чэнь Ихуань вернули в Пхеньян, в доме наконец поселилась жизнь.

Каждый месяц староста деревни выделял триста юаней на питание в местной средней школе, он же оплачивал счета за воду и электричество. Ихуань все эти деньги старательно откладывала, не потратив ни копейки.

Сбросив обувь, она не придавала значения странным словам Лю Цишаня. Только Ихуань успела отложить рюкзак, как снаружи раздался грохот — кто-то яростно колотил в дверь.

— Ихуань! Ихуань, ты вернулась? — раздался визгливый голос Хуан Ваньтин.

Стоило открыть дверь, как Ваньтин, словно юркая рыба, проскользнула внутрь. Ее челка, намокшая от пота, прилипла ко лбу. Она тут же нашла кран, открыла вентиль и принялась жадно пить.

Чэнь Ихуань поспешила к ней и легонько похлопала по спине:

— Что же ты делаешь? Я ведь просила тебя не пить сырую воду. Забыла, как у тебя позапрошлом году живот болел?

Тетушка Цзин умерла рано, и Ваньтин росла под присмотром отца. А Дядюшка Хуан, будучи важным лицом в деревенском комитете, почти не находил времени на дочь.

В седьмом классе Ихуань как-то увидела группу парней в школьной форме, которые крутились у ворот, предлагая Ваньтин пойти погулять. В Пхеньяне училось много детей из соседних деревень, но этих она видела впервые. Одеты они были неплохо, но взгляды у них были вороватые.

Ваньтин, замороженная их диковинными серьгами и часами, уже начала колебаться, нерешительно тербя пальцы. Она еще не привыкла к такому вниманию со стороны парней, и, несмотря на их настойчивые приглашения, она не почувствовала, что они сами — обычные школьники.

— Ваньтин, — позвал кто-то.

Ваньтин обернулась и увидела Чэнь Ихуань, стоящую с рюкзаком в руках. У той было нежное белое личико, яркие губы и большие, прозрачные, как родниковая вода, глаза.

Парни тут же изменились в лице, впиваясь в нее жадными взглядами. Один из них дернул Ваньтин за волосы, и та от боли обернулась. Они возбужденно загомонили:

— Эй, это твоя подруга? Позови ее с нами!

Теперь всё стало иначе. Ваньтин охватил страх. Занятия закончились уже давно, и вокруг почти никого не осталось.

Ихуань, словно не замечая опасности, подошла ближе:

— Ты почему здесь? Учитель Ли очень зол, говорит, ты опять провалила математику. Твоего отца уже вызвали в школу. Если сейчас сбежишь, дома точно получишь взбучку.

Ваньтин действительно завалила математику, но для Ли Синя это давно стало привычным делом.

Ихуань, не раздумывая, взяла ее за руку, и голос ее прозвучал мягко:

— Пойдем, я провожу тебя до кабинета. Помнишь, когда у Четвертой тетушки корова взбесилась, твой отец одним ударом сбил ее с ног? Я тогда так испугалась.

Эти слова услышали все. Парни переглянулись и молча отступили, убирая руки, которыми собирались перехватить девочек.

Всю дорогу до кабинета Ли Синя у Ваньтин гудело в голове. Несмотря на юный возраст, она понимала: деревенские дети знают жизнь лучше городских. Она знала, что бывает с девушками, которые уходят с такими парнями. История про корову была ложью, но если бы Ихуань не вмешалась, ее отец действительно мог бы прийти в ярость.

После смерти тетушки Цзин, кроме Ваньтин, у Дядюшки Хуана никого не осталось.

Ли Синь, проверявший тетради, удивленно поднял голову:

— О, занятия же закончились, вы чего пришли?

Ваньтин слышала только голос Ихуань — тихий и туманный:

— Учитель, можно позвонить Дядюшке Хуану?

Она разрыдалась прямо в кабинете — от страха и накопившейся обиды.

Дядюшка Хуан примчался в школу в панике. Выслушав объяснения Ли Синя, он понял: если бы не Ихуань, с Ваньтин случилась бы беда.

Глядя на то, как Ваньтин пьет воду, а ее одежда на груди намочила от пота, он подумал, что совсем она не похожа на приличную девушку.

— Ихуань, у меня для тебя потрясающая новость! — зашебетала Ваньтин. — К нам в деревню

едут люди из самого Цзинду! Останутся на два месяца. Староста на собрании сказал отцу, что они поселятся у тебя, так что вся арендная плата — твоя.

— В моем доме? — Ихуань нахмурилась, теребя край одежды. — Почему?

— Чего ты расстраиваешься? Отец сказал, приедет какой-то молодой господин, с ним дворецкий и телохранители, тебе и делать ничего не придется, — Ваньтин с завистью посмотрела на нее. — Они боятся, что деревенские будут докучать вопросами, а раз у тебя дома никого из взрослых нет, то это идеальный вариант. Денег дадут прилично.

Это было правдой. Если бы они поселились в другом месте, хозяева начали бы подлизываться, пытаясь выгадать для себя выгоду.

Ваньтин облизнула губы, в глазах ее мелькнуло желание:

— Ихуань, а когда этот господин приедет, можно мне пожить у тебя несколько дней? Я никогда не видела людей из Цзинду.

Ихуань опустила глаза, в них промелькнула тревога:

— Ваньтин, если люди из Цзинду снимут мой дом, может, я поживу у тебя?

— Почему?

— Приедет столько незнакомцев, мне страшно, — прошептала она, изображая робость и незащищенность, свойственную девушкам ее возраста.

Ваньтин, не вынося такого вида, тут же сдалась. Вспомнив тот случай после школы, она сама не горела желанием встречаться с городскими — отец потом выяснил, что те парни тоже были из города.

— Ладно! Я скажу отцу. В городских нет ничего особенного. У меня в комнате папа установил кондиционер, а я сплю одна — места полно.

Ихуань закусила губу. С чего бы людям из Цзинду делать нечего, кроме как ехать в такую глушь, как Пхеньян? Все это были лишь слухи, которые слышала Ваньтин, а Дядюшка Хуан не стал бы вдаваться в подробности. Ихуань же меньше всего на свете хотела иметь хоть какие-то дела с людьми из Цзинду.

Она лишь надеялась, что этот молодой господин поживет в ее старом особняке и уедет, не встретившись с ней лично. Она опустила взгляд, длинные ресницы скрыли выражение глаз.

Ваньтин подумала, что Ихуань просто до смерти напугана, и решила обязательно поговорить с

отцом.

Когда Ваньтин ушла, Ихуань наконец пришла в себя.

Ваньтин, вспоминая чистые и невинные глаза подруги, за ужином сказала отцу:

— Папа, столько людей хотят поселиться у Ихуань, она боится. Я хочу, чтобы она пожила у нас.

Дядюшка Хуан, вспомнив, какая Ихуань мягкая и неконфликтная, кивнул:

— Хорошо. Только смотри, чтобы ты ее не обижала.

— Папа, что за глупости! Как я могу ее обидеть? — Ваньтин недовольно надулась.

В это время в дверь постучали. Ихуань открыла и увидела тетюшку Сунь, известную своей жадностью и любовью к халяве. Ее сын сидел у нее на шее, но при этом держался невероятно высокомерно.

— Ихуань, — начала она, — говорят, городские будут жить в твоём доме?

Она заглянула внутрь. Дом был гораздо просторнее, чем ее собственный сарай. Какой позор, что такая юная девица живет здесь одна.

Ихуань прекрасно знала, что у нее на уме. Когда она только вернулась в Пхеньян, тетюшка Сунь первой вызвалась помогать ей — явно с целью захватить особняк и перевезти туда всю свою семью. Староста тогда не позволил.

Ихуань улыбнулась. Тетюшка Сунь казалась настырной, но с ней было проще всего справиться.

<http://bllate.org/book/22133/2306003>